

Выпив последний глоток восьмисокровищной каши с красными финиками и лонганом, Шэнь Юньшу приказала слугам убрать остатки еды. Шэнь Юньшу и Шэнь Юньхуа то изображали первое знакомство со старшими, то разыгрывали светские беседы на приёмах, что вызывало смех среди служанок, некоторые из которых прикрывали рты платками. Будучи знатными девушками, они должны были не только вести себя с достоинством, но и говорить изящно и сдержанно. Чтобы не допустить ошибок в будущем, им приходилось много практиковаться.

В этот момент Юэхуа пришла с известием, что Шэнь Юньцзин прибыл. Шэнь Юньшу инстинктивно посмотрела на старшую сестру, но на её лице не было ни капли удивления: конечно, старшая сестра всегда была доброй, и, видя, что Лань, происходящая из бедной семьи, ничего не знала о поэзии и книгах, время от времени помогала младшему брату в учёбе и поведении.

Шэнь Юньцзин был одет в тёмно-синий халат, что придавало ему больше солидности. В руках он держал книгу, и по обложке было видно, что он её бережёт, без единой складки. Войдя, он сначала почтительно поклонился, а затем сказал:

— Вторая сестра тоже здесь, как хорошо. Сегодня вечером я снова пришёл к старшей сестре за помощью в уроках, надеюсь, не слишком беспокою вас.

На лице Шэнь Юньхуа появилась лёгкая улыбка, и она поманила его к себе:

— Зачем так церемонься с сестрой? Говори, что тебе непонятно?

Шэнь Юньшу, глядя на маленького взрослого Шэнь Юньцзина, невольно вспомнила о Лань. Жёны и наложницы от природы были противниками, что было понятно. «Но разве не многие женщины попадали в дома знати против своей воли, и если бы у них был выбор, кто бы хотел быть полурабом, стоящим ниже других? Даже те, кто шёл на это добровольно, просто хотели жить лучше».

«Говорят, что если сам жаждешь богатства и роскоши, то нечего жаловаться, но разве все не советуют мужчинам хорошо учиться, чтобы однажды сдать экзамены и прославить род? Разве стремление к славе — это благородно, а стремление к богатству — низко? Почему мужчины могут добиться успеха через экзамены и военные заслуги, а женщины, если хотят жить в роскоши, должны продавать свою красоту?»

«Да, репутация действительно дороже сокровищ. Женщины, берегущие свою репутацию, могут выйти замуж за хорошего человека, и даже я сама, разве не ради этого всегда осторожничаю?»

Тем временем Шэнь Юньхуа, объяснив младшему брату его вопросы, дала несколько советов по учёбе; Шэнь Юньцзин был очень воспитанным, и даже если он уже слышал эти слова от отца или учителя, на его лице не было и тени нетерпения.

— Цзин, посмотри на свою вторую сестру, она ведь всё время читает; а сейчас, когда мы говорим об учёбе, она, кажется, о чём-то задумалась.

Шэнь Юньцзин, конечно, понимал, что старшая сестра выражает свою близость, и поспешил сложил руки в поклоне:

— Вторая сестра, наверное, думает о важном вопросе, я не могу сравниться с ней.

Шэнь Юньшу тоже очнулась, и, взглянув на старшую сестру, обе улыбнулись.

— Смотри, в таком юном возрасте уже такой хитрец, что же будет дальше?!

— Если ты так меня хвалишь, то мне будет стыдно, если я ничего не смогу сказать, — Шэнь Юньшу слегка улыбнулась и действительно поделилась своими мыслями о недавнем изучении «Великого учения». Трое братьев и сестёр говорили на разные темы, и незаметно наступил поздний вечер.

— Уже прошёл час Сюй, я задержал старшую сестру.

— Не церемонься, твоя вторая сестра тоже задержалась так надолго.

— Ага, старшая сестра, получив младшего брата, больше не любит меня.

После этих слов Шэнь Юньшу заметила, что взгляд младшего брата, направленный на неё, стал немного восхищённым. Это чувство было новым, и её сердце смягчилось.

«Верно, раньше я всегда была младшей сестрой, за которой ухаживала старшая, и в будущем, если представится возможность, мне стоит больше заботиться о брате».

Шэнь Юньхуа с улыбкой покачала головой:

— Ты всегда была сдержанной, как же ты стала ревновать? Пойдём, пора отдыхать. Цзин, ты тоже; Сючжу, Сюшань, хорошо позаботьтесь о своём господине.

Оба поблагодарили старшую сестру за заботу и попрощались.

«Все говорят, что старшая сестра — как мать, и в этом есть доля правды. Черты лица мачехи уже стёрлись в памяти, помнится только, что она была очень мягкой женщиной. В моих фантазиях "мама" должна была быть похожей на старшую сестру: сдержанной и заботливой, всегда защищающей меня».

— Если бы я знал, что вторая сестра такая талантливая, я бы раньше обратился за советом.

Шэнь Юньшу мягко улыбнулась:

— Сейчас ещё не поздно. Юньцзин усерден в учёбе, и он быстро догонит вторую сестру.

Павильон Праздного Облака и Сад Цзинвэнь находились далеко друг от друга, и после нескольких слов они расстались. Шэнь Юньшу, вернувшись в свой двор, почувствовала усталость, приняла ванну и рано легла спать.

На следующий день, проснувшись, она час читала «Книгу песен», а затем занялась утренним туалетом. Цинша заметила, что её госпожа, выбирая одежду, больше не отдавала предпочтение скромным и невзрачным нарядам, и на её лице появилась радость. Служанки, конечно, хотели, чтобы их госпожа выглядела красиво.

«Внешность — это лицо женщины. Я не была красавицей, как Ало, и не могла сравниться с красотой старшей сестры, но раз уж мне посчастливилось быть их сестрой и подругой, я не должна выглядеть слишком незаметно».

Цинхэ и Цинхуань, следуя указаниям, болтали рядом.

— Девушка Ицзинь сдержанна и внимательна, её манеры даже превосходят манеры девушек из обычных семей.

Цинхуань прикрыла рот рукой и засмеялась:

— Сестра Цинхэ, вы так хорошо справляетесь с делами госпожи, зачем скромничать? Я лучше буду подражать Юэхуа и Идуань, быть более живой, чтобы радовать госпожу.

— Это ты сама непослушная, а Юэхуа и Идуань используешь как прикрытие, — Цинхэ махнула зелёным рукавом. — Личная служанка госпожи Линь, Ансян, действительно умна и способна справляться с делами самостоятельно.

Кроме слухов из округи, служанки обсуждали в основном служанок из других домов. Шэнь Юньшу улыбалась, слушая; по поведению и речам слуг часто можно было судить о воспитании их хозяев. В этот момент обычно молчаливая Цинлянь вдруг заговорила:

— По мнению этой рабыни, никто не сравнится с Лин.

Шэнь Юньшу слегка приподняла бровь. Она знала, что Цинлянь была близка с Юэлин, служанкой старшей сестры, вероятно, из-за схожих судеб: Юэлин была дочерью чиновника, её отец занимал должность третьего ранга. Она была очень сдержанной, что было похоже на Цинлянь.

Цинлянь, хоть и говорила мало, всегда была тактична. Но в её характере была врождённая гордость; не высокомерие, а внутреннее достоинство.

«Она вздохнула. Бывшая знатная девушка, однажды оказавшаяся в положении служанки, — это нормально. Всё же она моя человек, и нужно найти способ защитить её и постепенно утешить...»

Закончив урок вышивки, Шэнь Юньшу собиралась отправиться в Павильон Сгущённой Черни, как вдруг увидела изящную девушку, приближающуюся к ней. На ней был каменно-синий халат, а на поясе висел простой нефритовый мешочек; она не использовала шёлковые шнуры или подвески для платья, но даже это не могло скрыть её природной красоты. Тонкие брови, напоминающие далёкие горы, и глаза, подобные листьям ивы, полузакрытые осенней водой... «Поистине, её красота была естественна, как ветер, сопровождающий чистую воду; талант красавицы был безграничен, и она не собиралась использовать свою красоту, чтобы угождать знати!»

Линь Хуайсюэ подошла к ней и глубоко поклонилась:

— Благодарю госпожу Шэнь за вчерашнюю помощь. Слышала, что вы искусны в поэзии, не могли бы мы стать друзьями?

Шэнь Юньшу поспешно протянула руку, чтобы поддержать её:

— Вы слишком добры. Сестра Линь умна, как лёд, и даже если бы я не встретила вас, вы бы наверняка нашли решение; более того, вчера всё было заслугой княжны, я не заслуживаю вашей благодарности.

Линь Хуайсюэ улыбнулась:

— Сестра Юньшу, зови меня Хуайсюэ.

— И вы зовите меня Юньшу.

— Юньшу, куда ты направляешься?

— Собираюсь навестить наставницу Ши. Хуайсюэ, не хочешь ли присоединиться?

— Конечно.

Все трое не были многословны, и, пообедав в Павильоне Сгущённой Черни, они наслаждались чаем и лёгкой беседой.

— Наставница, мне кажется, имя «Сгущённая Чернь» звучит немного грустно, — с сомнением сказала Линь Хуайсюэ.

Чёрные брови, чёрные брови — чёрный цвет — это цвет, которым рисуют брови. Сгущённая чернь — это нахмуренные брови, как можно быть счастливым с нахмуренными бровями?

— Это поверхностное суждение, — покачала головой Ши Дайянь. — С древних времён существует понятие «сгущённая правильность», и поэты также говорят: «Медленные песни и танцы сгущают струны и бамбук», потому что не стоит видеть это слово только как нахмуренные брови. «Чернь» просто потому, что моё имя Дайянь, и я выбрала его случайно. — Затем она слегка улыбнулась. — Юньшу, мне кажется, «сгущённая правильность» — это идеальное описание для тебя.

— У меня ещё есть недостатки, я думаю, это описание больше подходит моей старшей сестре.

Шэнь Юньшу и Линь Хуайсюэ обменялись взглядами, понимая, что это не так просто, но не стали спрашивать дальше.

Шэнь Юньшу была рада обрести нового друга, и Хуайсюэ почувствовала, что они нашли общий язык с первого взгляда. Но когда они оставались наедине, они не вели себя как обычные девушки, смеясь и играя, а говорили только о поэзии и других утончённых вещах; их манеры были сдержанными, что соответствовало поговорке: «Дружба благородных людей чиста, как вода».

На следующем уроке Шэнь Юньшу невольно огляделась вокруг и заметила, что Сунь Синьцяо, казалось, хотела что-то сказать. Она мягко спросила:

— Сестра Сунь, что-то случилось?

— Сестра Шэнь, ты считаешь, что я не талантлива?

— Почему ты так думаешь?

Шэнь Юньшу была озадачена, но, увидев обиженное выражение на лице девушки, поняла. Последние дни она была занята общением с Ало и Хуайсюэ и действительно немного её игнорировала.

— Прости, я только что пришла, и не очень хорошо знакома с одноклассницами, потому и говорила больше с некоторыми. Сестра Сунь — мой первый друг здесь, и я ни в коем случае не стану тебя избегать.

— Сестра Шэнь называет княжну «Ало», а сестру Линь «Хуайсюэ», а меня всё ещё зовёшь «сестрой Сунь»?

Шэнь Юньшу действительно рассмеялась, считая себя чуткой, но не заметила этого. Она

поспешно извинилась:

— Это моя ошибка, тогда... Синьцяо?

Сунь Синьцяо наконец улыбнулась, но, вспомнив своё поведение, покраснела.

— Сестра Юньшу.

Шэнь Юньшу ответила, а затем жестом показала, что наставница уже смотрит в их сторону, и они продолжили обсуждение тонкостей языка.

«Синьцяо, хоть и немного хитра, в целом была наивной и послушной девушкой, не знавшей жизни. Она подружилась со мной, не думая о статусе, и я не могу не ценить эту искренность, с радостью относясь к ней как к младшей сестре».

В тот день, возвращаясь домой в карете, Шэнь Юньшу, словно невзначай, сказала Шэнь Юньхуа:

— Старшая сестра, завтра ты пойдёшь со мной погулять по академии?

Шэнь Юньхуа хотела согласиться, но вдруг поняла замысел младшей сестры. Притворившись сердитой, она ткнула её в лоб:

— Ах ты, Шэнь Юньшу, даже перед старшей сестрой хитришь?

Затем она взяла кусочек пирога с красной фасолью и сунула ей в рот, добавив:

— Ты специально делаешь это, чтобы княжна Цило заметила? Моя мать расстроится, и ты придумаешь, как себя ущемить, чтобы её утешить? Как же у меня такая глупая сестра...

— М-м-м...

Шэнь Юньшу, с пирогом во рту, могла только издавать невнятные звуки; её тронутое выражение лица с надутыми щеками выглядело как у белки, которая украла еду, но получила горсть орехов.

Сгущённая правильность: сдержанность и достоинство.

«Тонкие брови, как осенняя вода, нежная кожа, как ветер» — «Сон в красном тереме».

«Талант красавицы безграничен, она не станет использовать свою красоту, чтобы угодить знати» — Гун Цзычжэнь «Стихи года Цзихай», соединение первой и последней строки.

«Медленные песни и танцы сгущают струны и бамбук» — Бо Цзюйи «Песнь о вечной печали».

«Дружба благородных людей чиста, как вода» — «Чжуан-цзы, глава "Горы и леса"».

Примечание (1): Внезапно заметила, что привычка Юньшу слушать сплетни чем-то похожа на привычку нынешнего императора...